HEGUMEN DAMASKIN (ORLOVSKIY)

THE LAST RUSSIAN EMPEROR IN CHURCH ADMINISTRATIVE DEPARTMENT: ABOUT APPOINTMENT OF DEACONESS STATUS TO MARFO-MARIINSKY CONVENT SISTERS

ИГУМЕН ДАМАСКИН (ОРЛОВСКИЙ)

ПОСЛЕДНИЙ ИМПЕРАТОР РОССИИ В УПРАВЛЕНИИ ДЕЛАМИ ЦЕРКВИ: О ПРИСВОЕНИЯ ЗВАНИЯ ДИАКОНИСС СЕСТРАМ МАРФО-МАРИИНСКОЙ ОБИТЕЛИ

Annotation / Аннотация

In the article with attraction of archival documents Holy Synod consideration of Grand Duchess Elizabeth Feodorovna proposition about appointment of deaconess status to Marfo-Mariinsky Convent elder sisters are illustrated. This problem was very important in social and church life.

В статье с привлечением архивных документов освещается вопрос о рассмотрении Святейшим Синодом предложения великой княгини Елизаветы Федоровны о введении для старших сестер Марфо-Мариинской обители наименования диаконисс, получивший большой резонанс в церковной и общественной жизни.

Keywords / Ключевые слова

Emperor Nicholas II, Grand Duchess Elizabeth Feodorovna, Marfo-Mariinsky Convent, deaconesses, Holy Synod, metropolite Antoniy (Vadkovsky), bishop Hermogen (Dolganev).
Император Николай II, великая княгиня Елизавета Федоровна, Марфо-Мариинская обитель, диакониссы, Святейший Синод, митрополит Антоний (Вадковский), епископ Гермоген (Долганев).

Обездолена крамолой, в бездне смуты утопая,

Как корабль гонимый бурей, погибает Русь святая!

Вот истинная картина России этих дней!

Валаамский летописец. 2 марта 1917 г.

Игумен ДАМАСКИН (Орловский Владимир Александрович) – секретарь Синодальной комиссии по канонизации святых, кандидат исторических наук, г. Москва; 8-916-902-79-57; usr04@mail.ru

В начале XX столетия русское общество продолжало переживать последствия влияния, начало которому было положено реформами императора Петра I. «Когда “Духовный регламент” стал законом, Русская Церковь стала частью русского государства, а Святейший Синод государственным учреждением, Русская Церковь поставлена была под контроль государства и стала управляться на основе государственного законодательства» . Деструктивную составляющую такого реформирования очень точно прокомментировал А.Н. Боханов: «Утверждение безраздельной супрематии светской власти в делах церковного земного устроения привело к каноническому абсурду: в 1797 году в Акте о престолонаследии Павла I Император был назван “главой Церкви”. Эта явная цезарепапистская формулировка была столь вопиюще несуразна, что потребовала особого законодательного уточнения, где церковная прерогатива Монарха была оговорена функциями защиты и попечения. В закон было внесено специальное примечание, гласившее, что исключительно в этом смысле “Император в акте о наследовании престола именуется Главою Церкви”» .

«Духовный регламент», установивший новые отношения между государством и Церковью, открыл прямой путь к истощению духовных сил народа, к совершившемуся 2 марта 1917 г. акту отречения государя императора от престола и революции.

Русская государственность во всех своих проявлениях оказалась, по выражению Н.Я. Данилевского, одного из основателей цивилизационного подхода при рассмотрении исторических процессов, «дичком», к которому, начиная с императора Петра I, усиленно

прививалась западноевропейская культура, без учета того, что «прививка не приносит пользы тому, к чему прививается, ни в физиологическом, ни в культурно-историческом смысле» . Влияние заимствованных из Европы Петром I реформ коснулось не только общественно-политических и экономических сторон жизни государства. Оно остро проявилось и в церковной жизни в форме идей, сказавшихся, например, при выработке устава Марфо-Мариинской обители, и в особенности, в предложении великой княгини Елизаветы Федоровны именовать старших сестер обители «диакониссами» по образцу, выработанному в результате долгого и органичного развития культурной и религиозной жизни Германии, приведшему к тому, что сущность христианства, призывающего к преображению души, стала подменяться социально-общественной деятельностью, выливавшейся в форму организованной благотворительности . Причем, такая деятельность должна была выступать уже не как личное делание, а как социальный проект с церковным наименованием. Не без основания епископ Серафим (Чичагов) усматривал в самом факте серьезного обсуждения этого проекта, по существу не имевшего никаких церковных оснований, «второй акт из русской синодальной трагедии» .

События вокруг наименования старших сестер Марфо-Мариинской обители «диакониссами», развивались стремительно и драматично. 7 ноября 1911 г. митрополит Московский Владимир (Богоявленский) представил в Святейший Синод ходатайство «о присвоении сестрам Марфо-Мариинской обители милосердия в городе Москве именование “диаконисс”» .

Устав Марфо-Мариинской обители в марте 1911 г. был уже утвержден, но вопрос, можно ли именоваться сестрам диакониссами по чину, существовавшему в IV–VII вв., без восстановления самого чина, вызвал на заседаниях Святейшего Синода в начале декабря 1911 г. горячее обсуждение. Большинство архиереев, присутствовавших на заседаниях Синода, сочли возможным поддержать предложение о наименовании сестер Марфо-Мариинской обители «диакониссами» . Это предложение горячо и не беспристрастно поддержал обер-прокурор Синода В.К. Саблер, постоянно информировавший великую княгиню Елизавету Федоровну о прохождении дела. В это время епископ Саратовский и Царицынский Гермоген уже представил свое суждение и В.К. Саблер стал проявлять заметное беспокойство, что доводы епископа могут убедить членов Синода .

7 декабря в 6 час. вечера он отправил телеграмму великой княгине: «Вопрос ныне не обсуждался. Надеюсь завтра будет решен. Буду иметь счастье немедленно известить» . 8 декабря в 6 ч. вечера: «Дело идет успешно. Завтра надеюсь будет подписано» . 9 декабря в 7 ч. 40 мин. вечера: «Искренно рад. Определение подписано. Митрополит Антоний, епископ Гермоген при особом мнении» .

Митрополит Санкт-Петербургский Антоний (Вадковский) в своем особом мнении с полной определенностью написал: «Пока не восстановлен чин диаконисс в древнем его значении, сестрам Марфо-Мариинской обители не может быть усвоено наименование диаконисс, в чине коих они не состоят» . «Постановление признаю противоканоническим. Представляю особое мнение на благовоззрение его Императорского величества» , – написал епископ Гермоген (документ № 1). К этому же мнению присоединился и епископ Холмский Евлогий (Георгиевский).

Обеспокоенный преобладанием нецерковных соображений при решении сугубо церковных вопросов, вмешательством в деятельность Синода светских лиц и не вполне принципиальной позицией некоторых членов Синода, которые предпочитали с ними соглашаться без всякой для тех духовной пользы, епископ Гермоген 15 декабря 1911 г. направил телеграмму императору, как имеющему в соответствии с законами Российской империи, попечение об этих вопросах, в которой писал: «В настоящее время в Святейшем Синоде поспешно усиливаются проводить некоторые учреждения и определения прямо противоканонического характера... Святейший Синод учреждает в городе Москве чисто еретическую корпорацию диаконисс, подавая основательнице сей обители великой княгине Елизавете Федоровне “камень вместо хлеба, фальшивое, подложное учреждение вместо истинного”» .

19 декабря 1911 г. обер-прокурор В.К. Саблер представил государю доклад о рассмотрении на заседании Синода представления митрополита Московского Владимира (Богоявленского) «Об усвоении сестрам Марфо-Мариинской обители милосердия в городе Москве наименования “диаконисс”», изложив разделившиеся по этому вопросу мнения членов Синода (документ № 2).

1 января 1912 г. великая княгиня Елизавета Федоровна обратилась к императору с письмом, касающимся установления чина диаконисс (документ № 3). В тот же день император, рассмотрев поступившие из Синода материалы, принял окончательное решение: «Всецело разделяю особое мнение митрополита Петербургского Антония» . На заседании Святейшего Синода 10 января 1912 г. Синод постановил сообщить резолюцию императора митрополиту Владимиру . Великая княгиня Елизавета Федоровна обратилась к императору с новым письмом, в котором изложила свои соображения относительно учреждения новой православной церковной организации (документ № 4).

Публикуемые документы представляют интерес для исследования истории Дома Романовых, позволяя: уточнить некоторые фактографические данные по вопросу о несостоявшемся в 1911–1912 гг. акте введения института «диаконисс»; рассмотреть роль императора Николая II, церковных иерархов, чиновников Синода в управлении церковной жизнью. Так, в документе № 2 интерес представляет предельно объективная позиция высшего правительственного чиновника В.К. Саблера, непредвзято и точно воспроизведшего аргументацию митрополита Антония и епископа Гермогена, не присоединившихся к «сему постановлению», несмотря на то, что сам обер-прокурор, не разделял их мнений и склонялся к иному решению.

Настаивая на введении в Русской Церкви учреждения, имеющего элементы протестантских заимствований, Елизавета Федоровна вряд ли это осознавала, потому что положительная оценка многих явлений, возникших в недрах протестантской традиции, была для нее вполне естественна, она была воспитана в ней. Не будь Елизавета Федоровна великой княгиней, вряд ли митрополит Владимир стал бы вникать в вопрос, который никоим образом нельзя было назвать актуальным.

По существу Елизавета Федоровна предлагала применить в России опыт протестантских диаконических общин, с которыми она была хорошо знакома в Германии, не имевших, однако, никакого отношения к диакониссам древности. Митрополит Владимир вместо того, чтобы по-отечески сказать ей: «Оставьте, у Вас и так есть устав общины, в соответствии с которым Вы можете реализовать все свои намерения, не играйте со словом, не имеющим к нашей жизни отношения», дал делу ход; вопрос дошел до горячих обсуждений и даже предложений обсудить его на Поместном Соборе, хотя он был давно снят с повестки дня течением церковной жизни, еще до основания Русской Церкви. Увы, то, что в Европе становилось предметом научного обсуждения, в России сразу же шло в ход, используясь в каком-нибудь зачастую разрушительном деле, что, по существу свидетельствовало об отсутствии в России национальной элиты, и одно это уже приводило к изъеданию национальной государственности, трате сил на обсуждение неактуальных вопросов, затрудняя осознание национальной идентичности.

Публикуемые документы позволяют представить, насколько к началу XX столетия была подавлена светской властью самостоятельность церковной иерархии, какова уже была сила и мощь европейских культурных традиций и ослаблен национальный иммунитет русского народа ко всякого рода заимствованиям.

Документы публикуются в хронологической последовательности, без сокращений (документ № 2) и с незначительными сокращениями (документы: № 1, 3, 4), с

сохранением стилистики, орфографии, подчеркиваний в тексте оригинала авторами. Восстановленные фрагменты заключены в квадратные скобки.

№ 1

Особое мнение к протоколу Святейшего Синода Саратовского и Царицынского Епископа Гермогена

№ 8661

15 декабря 1911 г.

Постановлено: старшим сестрам Московской обители милосердия, давшим обещание служить в сане диаконисс всю жизнь, «присвоить наименование диаконисс по одеянию».

Таким образом, женам и девам, выразившим одно видимое желание или обещание быть всю жизнь диакониссами, уже присваивается наименование «диаконисс по одеянию»: никаких других обетов, например духовно-нравственных, духовно-аскетических, вовсе не требуется. Но ведь почти «вся жизнь», о которой упоминается в постановлении, находится в полном и безусловном распоряжении самих желающих быть диакониссами по одеянию. В самом деле, согласно уставу «обители милосердия» от новочинных диаконисс требуют лишь одного обещания служить обители, исполнять обязанности сестер милосердия, просвещения и т.п. – словом, требуется одна лишь внешняя – видимая сторона служения, именно: благотворение, врачевание, просвещение. А где же личные желания и чувствования? Где же вся остальная огромная часть души, все тело, вся остальная жизнь? Все это, очевидно, предоставляется безобразному хаосу собственных, чисто личных, ничем не удерживаемых стремлений плотских и душевных, а вследствие этого посвященная Богу часть души и жизни должна висеть над бездной страстей и предоставлена быть неверным стихиям...

Никогда православное истинно церковное посвящение души и жизни человека на служение Богу не знало и не допускало такой зыбкости, такой поистине стихийной бесформенности и беспочвенности. Святая Православная Церковь, желая направить энергию и силы женской души всецело на служение Богу, Св[ятой] Церкви, страждущему человечеству, издревле подвергала эту душу должному и долгому испытанию, на перепутье ее подвига она освящала и благословляла ее святительской молитвой, предварительно связывала обетом чистоты хранимого ею девства, облекала в особое одеяние, – как внешний знак будущего всецелого посвящения души и тела – на служение Богу и ближним от имени Самого же Бога и Его Св[ятой] Церкви, – и только лишь после долгого испытания, в пожилом уже возрасте (в 40–60 лет или немного раньше по усмотрению епископа) дева или женщина, бывшая один раз замужем, желающая служить Богу в церковном сане диакониссы, была приводима к алтарю Господню, изрекала здесь пред Богом обет девства на всю жизнь, до своей смерти и тогда через архиерейское рукоположение наитием Св[ятого] Духа посвящалась в сан и именовалась диакониссой. Как один единственный (а не двоякий) был сан диакониссы, так и один единственный был литургический чин их постановления и посвящения: «Един диаконисс чин к Церковному потребен был»... (Св. Ипполит о преданиях апостольских, 7 и 8).

О том, что был один единый, а не двоякий или троякий сан диаконисс, свидетельствуют канонические правила св[ятых] Вселенских Соборов: IV Всел[енский] Собор прав[ило] 15-е, VI Всел[енский] Собор прав[ило] 14 и 40-е и св[ятителя] Василия Вел[икого] 18 прав[ило].

19 правило I Всел[енского] Собора, с толкованиями Занары, Вальсамона и Аристина, указывает на павликианских девиц, которые, однако, в Церкви Православной сопричислялись с мирянами.

Таким образом, диаконис, не испытанных предварительно долгим искусом, не дававших обета девства и чистоты и не посвященных архиерейским рукоположением пред алтарем церковным, вовсе не было никогда в Православной Церкви. Даже те девы, которые приходили в Православную Церковь от павликианской ереси, где от еретиков они именовались “диаконисами по одеянию”, все-таки, очевидно, давали обет чистоты, носили особое одеяние и готовились к принятию сана диаконис по достижению надлежащего возраста; однако, сих дев, как не получивших рукоположения, Собор сопричисляет с мирянами. А сестры Марфо-Мариинской общины, являясь во всех отношениях совершенно мирскими, вовсе не дающие предварительного обета – хранить чистоту, тем более вовсе не желавшие и впоследствии дать обет девства на всю жизнь и быть посвященными архиереем по древнему чину пред алтарем церковным, желают именоваться диакониссами. Устав Московской обители милосердия «почти совершенно тождествен с уставом» «сестричных братств», «общин просвещения» и т.п., «отнюдь не заключает в себе ни малейшей попытки применения канонических правил и установлений к потребностям практической жизни, что могло дать повод, хотя бы рассматривать» «обитель милосердия», как корпорацию, сплошь состоящую из девиц и жен, правильно и сообразно с каноническими правилами готовящихся к принятию сана по достижению полного возраста; тогда бы такую обитель можно было бы наименовать «обителью православных церковниц»; но нынешний устав «обители милосердия» вовсе

не дает для этого никаких оснований, так как вовсе для сей цели он не приспособлен, не разработан. Правда, это учреждение, по-видимому, является довольно благочестивым среди мирского общества, но оно же, повторяем, по организации своей и уставу совершенно подобно «сестричному братству», «общинам просвещения», «общинам милосердия» и т.п.; и таким образом, если сестрам «обители милосердия» присвоить наименование диаконисс, то почему же не могут претендовать на это наименование и «сестры» всех возможных «общин», «братств» и т.п. ... И удивительно, что канонический, строго церковный чин диаконисс, ни одним соборным правилом не измененный, ни тем более, не запрещенный, почему-то считают невозможным сейчас восстановить, а, напротив, не канонический, а прямо еретический чин учреждается вопреки православным канонам?..

Ввиду изложенного, глубоко и искренно смиряясь пред Святейшим Правительствующим Синодом как пред моим иерархическим начальником, я вынужден, однако, был – истинно скажу – со слезами на глазах сделать надпись на протоколе Святейшего Синода: «Постановление признаю противоканоническим; особое мнение представляю на благовоззрение Его Императорского Величества». И воистину молю Его Императорское Величество рассудить в нашем деле церковном и защитить благотворные и законные церковные установления, так как Он, Самодержец, является «верховным защитником и хранителем догматов господствующей веры и блюстителем правоверия и всякого в Церкви Святой благочиния» (64 ст. Основн. Зак., т. 1. ч. 1, изд. 1906 г.). Он же, Великий Государь, и в рескрипте своем на имя первоприсутствующего члена Святейшего Синода, Высокопреосвященного Антония, митрополита С[анкт]-Петербургского, от 27 декабря 1905 года, благоволит выразить свою волю, чтобы некоторые преобразования в строе нашей отечественной Церкви произведены были на твердых началах вселенских канонов для вящего утверждения православия.

В двух моих докладах и в сем «Особом мнении» тщательно, по возможности, выяснена и вполне доказана мною полезность и даже необходимость восстановления чина диаконисс на строго канонических началах; и было бы крайне желательно дабы вопрос этот был вновь всесторонне рассмотрен в Святейшем Синоде.

Гермоген Епископ Саратовский и Царицынский.

РГИА. Ф. 796. Оп. 209. Д. 2565. Л. 294–297. Подлинник. Машинопись.

№ 2

Доклад обер-прокурора В.К. Саблера Имератору Николаю II «Об усвоении сестрам Марфо-Мариинской обители именования диаконисс»

19 декабря 1911 г.

ВАШЕМУ ИМПЕРАТОРСКОМУ ВЕЛИЧЕСТВУ в 1 день Апреля 1911 г[ода] благоугодно было ВСЕМИЛОСТИВЕЙШЕ соизволить на приведение в исполнение определения Святейшего Синода от 16 Марта 1911 же года, коим утверждался устав устроенной ЕЯ

ИМПЕРАТОРСКИМ ВЫСОЧЕСТВОМ ВЕЛИКОЮ КНЯГИНЕЮ ЕЛИСАВЕТОЮ ФЕОДОРОВНОЮ в г. Москве, на Ордынке, во владении ЕЯ ВЫСОЧЕСТВА, Марфо-Мариинской Обители Милосердия.

Ныне Преосвященный Митрополит Московский вошел в Синод с представлением об усвоении сестрам Марфо-Мариинской Обители именования диаконисс.

По обсуждении такового представления, 7 присутствующих в Синоде Преосвященных, а именно Митрополиты Московский Владимир и Киевский Флавиан, Архиепископы – Экзарх Грузии Иннокентий, Финляндский Сергий, Волынский Антоний и Полтавский Назарий и Епископ Холмский Евлогий постановили: старшим сестрам Марфо-Мариинской Обители Милосердия, принятым в Обитель по утвержденному Святейшим Синодом особому церковному чину, давшим обет диаконисского служения в продолжение всей своей жизни, усвоить именование «диаконисс». При таковом постановлении принято было во внимание: 1) что на обязанности диаконисс в древней Церкви лежало служение под руководством Епископа делу христианского просвещения и милосердия, наставление в правой вере и доброй жизни, помощь бедным, больным, нуждающимся и скорбящим и христианское утешение, 2) что соответственно запросам, предъявляемым в настоящее время условиями русской церковно-общественной жизни, от членов православной Церкви, и в том числе от благочестивых жен-христианок, особливо требуется широкая и скорая помощь нуждающимся в духовной и телесной помощи и преимущественная деятельность в трудах миссионерских, просветительных и благотворительных, 3) что опыты применения в условиях современной русской жизни древнего диаконисского служения в возможном его объеме и в соответствии с действительными потребностями времени и места в каждом отдельном случае представляются весьма желательными и в настоящее время в некоторых сторонах осуществляются уже в иных местах и 4) что учрежденная ЕЯ ИМПЕРАТОРСКИМ ВЫСОЧЕСТВОМ ВЕЛИКОЮ КНЯГИНЕЮ ЕЛИСАВЕТОЮ ФЕОДОРОВНОЮ Марфо-Мариинская Обитель Милосердия являет собою опыт служения делу христианского милосердия по образу диаконисс древней Церкви.

Преосвященные же Митрополит С[анкт]-Петербургский Антоний и Епископ Саратовский Гермоген не присоединились к сему постановлению и остались при особом мнении. При этом Митрополит Антоний в своем мнении изъяснил, что пока не восстановлен чин диаконисс в древнем его значении, сестрам Марфо-Мариинской Обители не может быть усвоено именование диаконисс, в чине коих оне не состоят. А Епископ Гермоген в особом мнении изложил: 1), что от жен и дев, коим постановлением Синода усваивается именование диаконисс, требуют лишь одного обещания служить обители, исполнять обязанности сестер милосердия, просвещения и т.п., словом требуется лишь одна внешняя – видимая сторона служения, – именно – благотворение, врачевание, просвещение, никаких других обетов, например, духовно-нравственных, духовно-аскетических вовсе не требуется, и таким образом вся жизнь наименовываемых диакониссами находится в полном и безусловном распоряжении их самих; 2), что, между тем, внутренняя и внешняя дисциплина Святаго Тела Христова – Церкви не может освоить и сроднить с собою хаотических начал мирских, хотя бы и заключающих в себе благие намерения и стремления, но мирские их элементы должны быть во всей полноте освящены и повиты, как младенец, пеленами строгих священных обетов пред Богом и Церковью, и тогда только испытанная и избранная душа облекается в священно-церковный сан, будет ли это мужчина или женщина: разница лишь в степени приближения их к алтарю Господню; благодатная, святейшая Мать-Церковь собирает и объединяет разрозненныя и рассеянныя силы избранной, связывает, укрепляет, точно забронировывает их священными обетами полнаго и всецелаго самоотвержения в обетах девства, чистоты, безграничнаго послушания и смирения, освящает наитием Святаго Духа, и только тогда душа небоязненно и безопасно шествует средь бурных волн безбрежнаго житейскаго моря, совершая служение Богу и ближним от имени Самого Бога и Его Святой Церкви; 3), что в Церкви был только единственный сан диаконисс и единственный литургический чин их поставления и посвящения и вовсе не было никогда в Православной Церкви диаконисс, не испытанных предварительно долгим искусом, не дававших обета девства и чистоты и не посвященных архиерейским руковозложением пред алтарем церковным; 4), что лишь у еретиков павликиан девы, не получившия рукоположения, именовались «диаконисами по одеянию», но сих дев I-й Вселенский Собор сопричисляет с мирянами; 5), что усвоением именования диаконисс сестрам Марфо-Мариинской Обители, являющимся во всех отношениях совершенно мирскими, вовсе не дающим предварительного обета хранить чистоту и тем более вовсе не желающим и впоследствии дать обет девства на всю жизнь и быть посвященными архиереем по древнему чину пред алтарем церковным, учреждался бы не канонический, а прямо еретический чин диаконисс вопреки православным канонам, и 6), что полезно и даже необходимо восстановить чин диаконисс, но на строго канонических началах. В заключение Епископ Гермоген обращается к ВАШЕМУ ИМПЕРАТОРСКОМУ ВЕЛИЧЕСТВУ с мольбою рассудить в этом деле церковном и защитить благотворные и законные церковные установления, ибо ВЫ, ГОСУДАРЬ САМОДЕРЖЕЦ, являетесь Верховным защитником и хранителем догматов господствующей веры и блюстителем правоверия и всякого в Церкви святой благочиния (Осн. Зак. ст. 64) и в рескрипте ВАШЕМ на имя первоприсутствующаго члена Синода Митрополита Антония от 27 Декабря 1905 года благоволили выразить Свою волю, чтобы преобразования в строе

нашей отечественной Церкви произведены были на твердых началах вселенских канонов для вящего утверждения православия.

О сем имею долг всеподданнейше представить ВАШЕМУ ИМПЕРАТОРСКОМУ ВЕЛИЧЕСТВУ.

Владимир Саблер (подпись)

Верно: Вице-Директор (подпись неразборчива)

Сверял: Начальник Отделения (подпись неразборчива)

На первом листе – две справки об исполнении документа:

1 справка (на полях, машинопись):

«На подлинном Г[осподином] Синодальным Обер-прокурором помечено: “Собственною Его ИМПЕРАТОРСКОГО ВЕЛИЧЕСТВА рукою начертано: “Всецело разделяю особое мнение митрополита Петербургского Антония” . В Царском Селе 1 января 1912 года. Обер-Прокурор Святейшего Синода Владимир Саблер”».

2 справка (в конце первого листа, рукопись):

«Подлинный всепод[даннейший] доклад принял на хранение 3 апреля 1912 года

Экзекутор Ив. Виноградов»

РГИА. Ф. 797. Оп. 81. 2 Отд., 3 Ст. Д. 557. Л. 7–9. Подлинник. Машинопись.

№ 3

Письмо великой княгини Елизаветы Федоровны

императору Николаю II, касающееся установления чина диаконисс

1 янв[аря] 1912 г.

Да благословит тебя Господь, дорогой!

Ты, конечно, получил от Саблера все подробности: 8 голосов за нас как мы есть и два – особых мнений. Теперь я хотела бы, чтобы ты узнал мою точку зрения по этому вопросу. Это дело должно иметь «определенное место» в Церкви, иначе оно всегда будет шатким, и после моей смерти, кто знает, более, чем вероятно, будет преобразовано в монастырь или «светск[ую] общину». Мы основаны на строго церковном фундаменте, православном во всех деталях, как мы благословлены нашим митрополитом, который, конечно же, знает всю нашу жизнь, и у нас есть традиции «диаконисс по одеянию». Святейший Синод находит, что сейчас благоприятный момент для поддержания Церкви и оскудевающей веры и для соединения с паствой, как подобает добрым пастырям. Они надеются, что будут созданы и другие обители, подобно нашей , но для этого мы должны быть утверждены как диакониссы. Раньше первая ступень была «диаконисса по одеянию»; вторая, высшая – «по рукоположению» (чего хочет е[пископ] Гермоген) – привела к разрушению общины, поскольку диакониссы стали играть такую важную роль среди духовенства, что они были в той или иной степени отодвинуты в сторону, и предоставлены постепенному отмиранию. (Синод определенно против, и это кажется разумным, так как современные женщины гораздо более хваткие и стремятся играть, как мужчины, большую роль). Поскольку они не были упразднены, то зачем ждать Собора (как сказал м[итрополит] Антоний).

До сих пор я не писала тебе, так как мое дело находилось в Святейшем Синоде, но, поскольку у тебя теперь есть «доклад», я хочу, чтобы ты узнал мое смиренное мнение.

Да благословит тебя Господь, дорогой. Поминай меня иногда в своих молитвах. Твоя старая любящая сестра и смиренная подданная Элла.

ГАРФ. Ф. 601. Оп. 1. Д. 1254. (Ч. 1). Л. 79–80, (Ч. 2). Л. 154. Подлинник. Рукопись на

английском языке.

№ 4

Письмо великой княгини Елизаветы Федоровны

императору Николаю II после принятия им окончательного решения не именовать сестер обители «диакониссами»

Без даты (январь 1912 г.)

Ты понимаешь, для чего мы просили именование «диакониссы», что по-гречески означает «служительницы», а именно служительницы Церкви – для того, чтобы как можно яснее обозначить наше положение в стране как органа Православной Церкви, и когда замечания Гермогена были опубликованы в газетах, он бросил сильную тень о подражании протестантизму на нашу деятельность, на деятельность, которая проходит

под непосредственным руководством нашего митрополита и при постоянном прямом контакте с епископами. Старцы из самых разных очень строгих монастырей и «пустынь» приезжали в нашу «обитель», и мы имеем их молитвенную поддержку и благословение. Жаль, что Гермоген, прежде чем бросить несправедливое замечание в адрес нашей деятельности, вначале не ознакомился с ней. Теперь относительно замечания о том, что мы должны быть в полном виде «рукополож[енными] диак[ониссами]», – это также не было обязательным в древней Церкви, поскольку «посвящ[енные]» сестры «по одеянию» существовали именно как живое «trait d'union» между Церковью и народом – это то, что сейчас так востребовано, и ты видишь, что Святейший Синод почти единогласно поддержал наше прошение как прошение об абсолютно желательном учреждении и органе, в котором Церковь сейчас остро нуждается. Поставление в «великих диаконисс» могло бы производиться, если это будет абсолютно необходимо, из первой, низшей категории. Я была настолько уверена, что ты знаешь все эти детали и согласишься с 8-ю голосами, что я написала только в последний момент, когда до моего слуха дошло, что якобы я колеблюсь. Конечно, я ни разу не подумала протестовать, я только хочу, чтобы ты узнал мое мнение. Аликс сказала в качестве одного из аргументов: «Св. Олимпиадой руководил св. Иоанн Златоуст», но должны ли мы дожидаться некой святой Олимпиады и еще одного мудрого святого в качестве ее руководителя? Это была бы снова частица рая на этой земле, но ведь иногда смиренным, ничего не значащим существам Бог позволяет работать в Свою славу и для Своей Церкви, и их деятельность процветает по молитвам Его служителей и паломников, которые обретают утешение, и страдальцев, которые обретают покой, – разве это не так, дорогой! Вот простая женщина, которая искренне не мнит о себе, что она что-то значит, а имеет большое стремление и любовь к Церкви, и которая начинает свою работу и находит группу мудрых руководителей. Кажется, что польза, которую мы могли бы принести – невелика, но, наверное, Церковь должна поддержать нас и не бросать и, к счастью, большая ее часть это делает. Аликс находит [положение] нашего Сестринского дома абсолютно ясным, впрочем, это как раз то, в чем я не совсем с ней согласна, и все же я надеюсь, поскольку наш «чин посвящения» утвержден некоторое время тому назад Святейшим Синодом, что мы, вследствие этого, займем прочное положение и что нас ясно и открыто утвердят перед страной в качестве церковной организации – организации Православной Церкви, – большего я не желаю. В любой день можно умереть, и мне было бы жаль, если такой тип обители – не совсем монастырь, и, безусловно, не простая светск[ая] община – будет изменен. Люди, простые и бедные, когда их посещают мои сестры, слава Богу, принимают их хорошо и называют «матушками». Это большое утешение, что они чувствуют наше монастырское основание. Все наши службы – в монастырском стиле, вся наша работа основана на молитве. Итак, надеюсь с терпением и по молитвам других, что наша скромная «обитель» будет процветать, и когда состоится «Собор», мы сможем представить им работу, которую они единодушно поймут. Многие другие хотят присоединиться к нам и открыть маленькие «отделы», и мы ожидали нашего утверждения в качестве «диаконисс». Ну, посмотрим, Бог поможет, потихоньку и без робости мы будем работать. «Работай, и Бог будет соработать тебе». Молись ты тоже за нас, дорогой, чтобы мы могли оказывать помощь твоей Церкви и утешение страждущим, ибо это является целью нашей жизни, полной молитвы и труда.

ГАРФ. Ф. 601. Оп. 1. Д 1254. (Ч. 2). Л. 145–149. Подлинник. Рукопись на английском языке.

Список литературы

Смолич И.К. Русское монашество. Приложение к истории Русской Церкви. М., 1997.

Боханов Александр. Российская Империя. Образ и смысл. М., 2012. С. 329; Свод Законов Российской Империи (1892). Т. 1. Ч. 1. Ст. 42.

Данилевский Н.Я. Россия и Европа. СПб., 1995.

Игумен Дамаскин (Орловский). Епископ Гермоген (Долганев). М., 2010.

You can read completely article in the russian historic-archival magazine “The Herald of an Archivist”. Read more about terms of subscription here .

Полностью материал публикуется в российском историко-архивоведческом журнале ВЕСТНИК АРХИВИСТА. Ознакомьтесь с условиями подписки здесь .